

План «Б»

(Excerpt in Russian)

Translated by: Veronika Starkova

Contact of the translator: starkova.veronika2014@yandex.ru

Ключевая линия фронта человечества.

«В нашем арсенале есть все факты и все решения. Нам нужно только пробудиться и изменить себя»

Грета Трумберг, эоактивистка

Тысячу раз себе и своим ближним я давал обещание, что многолетний период работы военным корреспондентом остался в прошлом. Когда я начинал, я был одним из самых младших. Когда я почувствовал, что с меня достаточно, я был одним из самых старших. Освобожденный от иллюзий, уставший от повторяющихся трагедий, увеличивающихся в своем масштабе; злой, пассивный, лишенный балласта, необходимого для внутреннего равновесия. В «горячих точках» из-за своих иллюзий и идеалов я потерял несколько друзей и знакомых и истратил большинство «козырей». Свободный выбор, и это относится также и к альпинистам, может стать судьбоносной привилегией.

С меня достаточно, повторял я. Себе. И другим. В это же время я терял веру в силу своей профессии. Журналистика для меня никогда не была работой, с шестнадцати лет она стала моим жизненным кредо. Жизнь как она есть. Поэтому мне было настолько тяжело принять факт, что наше – и вместе с тем также и мое – дело в эпоху (а)социальных сетей и размаха агрессивных, легких для восприятия суждений при отсутствии знаний и опыта в условиях патологически рассеянного внимания так быстро и невозвратно теряет свою роль. Не из-за потери роли «писателя первой версии истории», которая достается репортерам с места происшествия, но из-за разрушительных последствий, которые имеет диктатура хаоса.

Мы вступили в «общество *постфактума*», в котором мы – журналисты – и это в большей мере касается и ученых – потеряли свое положение и в какой-то мере даже гражданство. Мы стали интеллектуальным апартеидом. В то же время, не стоит забывать, что все цивилизации – и трайбализмы – основаны на фикации. Коллективная

ложь, которую можно мягко преподнести в качестве сказок и анекдотов, вероятно, оправдана эволюцией. Становится совершенно ясно, что мы возвращаемся к корням. Туда, где журналистам (и фактам) нет места.

На самом деле, этого места по-настоящему никогда не было.

Да, я верил, долгое время верил, при помощи журналистики возможно изменить мир к лучшему. Несколько раз, прежде всего, через личные истории, у меня было чувство, что это удавалось даже мне. В то же время, отдельные истории о важных изменениях (у меня) все больше тонули в «большой картине». Если твоя работа не имеет непосредственного результата, то это всего лишь наблюдение с участием = сафари эго.

Войны, о которых я писал, стали постоянными – они стали *состоянием*.

Беженцы, судьбам которых я во второй половине последнего десятилетия уделил основное внимание в своей работе, в глазах Словении и Евросоюза на крыльях пробуждающегося расизма, ксенофобии и все более процветающего фашизма стали ядерными отходами. И – отвратительное злоупотребление – орудием политической борьбы.

Открытое, свободное общество, которое могло бы возрасть вокруг нас, было окружено стенами, колючей проволокой, - новыми (старыми) границами, оборонительными рвами, сторожевыми столбами, армиями миротворцев...

Идеологические разногласия усилились. Историческая память, селективная уже сама по своей природе, практически сгнила. История пишется *заново*.

Боль другого в лучшем случае стала профессиональной категорией. Дословно социальным капиталом.

Останки этической субстанции растаяли вместе с вниманием, фундаментом и основой рефлексии. Стыд и чувство неправоты скрылись в защитном рве анонимности. Рефлексы стали доминировать; *неконсеквентность*. Игра наудачу. Словно завтра солнце не взойдет.

Сохранить мотивацию (было) непросто.

Когда осенью 2016 года, уставший и по горло наевшийся репортерством на (вечную) тему, я вернулся из Мосула, где я наблюдал жестокую войну между силами Иранского правительства и самопровозглашенным Исламским государством, я уже почти решил, что в жизни я буду заниматься чем-то другим. Чем угодно, только не тем, что каким-

либо образом может быть связано с темой и жанром журналистики. Я вообще хотел убежать из журналистики, от своей религии.

Естественно, я совершенно не представлял себе, куда, и что это могло бы быть.

Даже приблизительно.

Я мог бы до бесконечности приводить примеры. Рассказывать о шестом великом вымирании животных видов – последствия исключительно человеческой «деятельности»: на Земле на данный момент живет половина от того количества диких животных, которое было в 1970 году, общая масса людей составляет 30 процентов от общей массы всех позвоночных, 67 процентов – это домашние животные, все дикие позвоночные составляют лишь 3 процента от общей массы. О смерти великого австралийского кораллового рифа и исчезновении 80 процентов всех насекомых. О слишком теплых океанах: по данным исследований «*Journal of Mathematical Biology*» 2015 года в случае, если океаны и дальше будут согреваться с такой же скоростью, до 2100 года «остановится производство кислорода фитопланктоном, так как процесс фотосинтеза станет невозможным, что, вероятнее всего, станет причиной массовой смерти животных и людей». О факте, что Маршалловы острова, Тувалу и Кирибати уже погружаются под воду и что на морских побережьях, одной из ключевых линий фронта климатических изменений живет 40 процентов населения Земного шара. О лобби на ископаемое сырье, «черном холокосте». О возрастающих выбросах углекислого газа в воздух (на момент написания 418 частей на миллион). О полярных медведях, которые в исчезающей естественной среде обитания, плавая по 200 км за один раз, вынуждены охотиться... на белух. О шестом энергоблоке Шоштаньской ТЭС О том, что стоимость мировой экономики за 2018 год составляла 1,2 триллиона долларов – примерно 1,6 процента от мирового ВВП. О богатом январском весеннем цветении высоко в Альпах. О Дональде Трампе. О климатических беженцах, людях и животных, которые так драматически и трагически обозначают *недалекое* будущее и которые, если мы хотя бы немного обратим на это свое внимание, настолько драматично и трагично обозначают современность: согласно данным Мирового банка 2018 года, до 2050 года только в Азии, Африке и Латинской Америке из-за последствий изменений климата 143 миллиона людей будут вынуждены оставить свои дома. О мире, который высыхает. О мире, для которого будут характерны «водные войны». О пандемии голода: согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в мире сейчас голодает 265 миллионов людей.

Почти в два раза больше, чем год назад. Перед пандемией COVID-19, которая остановила большую часть мировой экономики.

О мире, который мы знали, который быстро исчезает перед нашими широко закрытыми глазами. О новом, существенно менее демократичном и более закрытом мире.

Да, я мог бы перечислять до бесконечности, цитировать тома ученых, приводить сотни цифр и данных, классифицировать образы, фиксировать факты, объяснять то, что могло бы быть ясно каждому школьнику (многие школьники о последствиях климатических изменений знают гораздо больше от своих родителей и бабушек с дедушками). Так что боюсь, что перечисление фактов будет лишним. Излишним. Все было уже сказано много раз; внимание, великая жертва нашего времени, задыхается в судорогах. Наука – касаясь климатических изменений – предельно ясна. И наука – единственное, что можно назвать компетентным. С другой стороны, убеждение, даже *миссионерство*, слишком поздно. Убеждение убежденных – это этический грех, этому меня научила журналистика.

(Не только) из-за бесполезной траты времени.

Последствия климатических изменений для большей части стран «первого» мира – в том числе (или в особенности) в географически и климатически привилегированной Словении – нечто такое, что происходит *с другими*. Это нечто такое, что нам не угрожает – по крайней мере, *непосредственно* и экзистенциально. Это явление, на которое мы едва ли способны как-то реагировать. Это нечто, к чему эволюция нас (еще) не подготовила. Это нечто, что локальной и глобальной политикой, которая функционирует на топливе постоянных или уже давно обсужденных идеологических тем, в большой мере игнорируются – если не отрицаются. Нечто, что растет, несмотря ни на что – коллективно и смертоносно – из-за бесконечной прибыли, которую приносит органическое топливо и его производных, ключевой причины глобального потепления. Нечто, что нас разделяет вместо того, чтобы нас сблизить, ведь во имя выживания вида – и видов – мы просто-напросто не можем позволить себе отстранения.

Нечто, что есть здесь и сейчас.

Вместо того, чтобы приводить цифры и факты и рисовать апокалиптические образы, мы с Мартином решили представить в этой книге группы людей и отдельных личностей,

которые – насколько это возможно – успешно борются с климатическим кризисом. Группы людей и личности, которые не поддались общему равнодушию, высокомерию и игнорированию и в лучшем случае ожиданию (внешнего) *спасителя*. Группы людей и личности, которые храбро и неотступно воюют на ключевой линии фронта человечества и начали менять свой уклад жизни. Группы людей и личности, которые могут всем нам – то есть всему человечеству – предложить знания, энергию (дословно), опыт и, конечно, также технологии, которые способны при объединении местной, региональной и глобальной заинтересованности свести к минимуму последствия климатических изменений.

Начиная с Тилоса, первого острова, способного обеспечить себя энергией в Средиземноморье (солнце и ветер) до геотермальной и ориентированной на будущее Исландии. От многообещающего развития энергии моря (волны, приливы и отливы) на Оркнейских островах на северо-востоке Шотландии, где экологично добывают водород, используя избыточную электроэнергию, до австрийского города Гюссинг, который четверть столетия назад ступил на путь самообеспечения энергией (биомасса) и, в то же время, сильно взлетая и падая, стал одним из главных центров развития технологий для развития возобновляемых источников энергии. От швейцарской фирмы «*Climeworks*», которая извлекает диоксид углерода непосредственно из воздуха и частично внедряет в исландское подземелье, частично использует в индустрии (производство напитков и теплиц), до самообеспечивающихся скандинавских деревень. О пути каждого грамма лития от месторождений в Боливии до китайских заводов электромобилей и революции электрических средств передвижения в Норвегии и водородных альтернатив. От перерабатывающей отходы станции в Осло, которая собирает диоксид углерода, образующийся при сжигании, и намеревается в скором времени при поддержке государства сохранять его в геологических морских пещерах, в которых раньше были нефть и газ, до людей, отдельных личностей и сообществ, которые стоят за всеми этими и еще другими многочисленными проектами, которые громко и ясно кричат, что у нас нет права, что ни в коем случае – несмотря на ужасные последствия пандемии для локальной, региональной и глобальной экономики – нам нельзя терять надежду.

Это исключительно тяжелая задача.

Это будет исключительно тяжелой задачей.

Но если мы с ней не справимся, эта задача станет для нас последней.

Действительно, тяжело поверить, что – здесь и сейчас – возможно остановить катаклизмы или, по крайней мере, их смягчить и в лучшем случае перенести на неопределенное время. Среди прочего, человечество – это вид геноцида, экоцида, войн(ы), расизма, игры силы, насилия, подчинения, фиктивной идентичности... После более чем двух десятилетий работы корреспондентом из всех возможных очагов кризисов, сцен преступлений человечества и после внимательного взгляда в работу глобальной политики и экономики, прежде всего, познавая человеческую природу, мой поиск надежды в возможность нашей общей борьбы с климатическим кризисом и нашим жизненным девизом граничит с когнитивным диссонансом. Перевожу: ежедневные поиски (профессионального) смысла.

«Писатель не обязан своим читателям давать надежду. Его единственная обязанность – искренность. Таким образом, мне бы хотелось, чтобы те, кто возьмет в руки эту книгу, знали, что ее автор ангажирован, но он не потерял надежду. Если бы потерял, он бы не стал писать» - в своей новой книге «Фальтер» написал легендарный экоактивист и писатель Билл Маккиббен.

Лучше и сказать нельзя.

Там, за пределами, остаются люди и сообщества, которые все время – и на полном серьезе – побеждают цинизм, собственный страх и неуверенность. Как говорится, ищут спасения. Даже получив у судьбы дополнительное время, несмотря на серьезное отставание, все равно не сдаются и играют в полную силу.

И так будет до последнего свистка судьи. Эта книга посвящена этим сообществам и этим людям.

Надежда – это не то, что умирает последней.

Однако.

Из-за пандемии в течение нескольких месяцев казалось, что мир остановился. Все так называемые материалы СМИ – как и личная коммуникация – были так или иначе связаны с вирусом и его последствиями для страны, общества, системы здравоохранения экономики, образования, спорта, культуры, для меня/тебя. Такого однонаправленного движения и ограниченной перцепции для поколения, рожденного после Второй мировой войны – даже в самых тоталитарных странах – еще не было. Последствия климатических изменений в это время стали лишь фоновым шумом. Практически экзотикой.

Единственная тема. Ограниченное передвижение. Погружение в ментальный инцест. Интимная и коллективная теснота. И вопреки этому или именно поэтому – такое завораживающее чувство присутствия в центре мира: так как вирусная пандемия

касается каждого из нас, и тебя, и меня. Прежде всего, тебя и меня. При отсутствии новостей о событиях в мире и достаточно авторитарно удобренном возвращении новых (старых) границ и всестороннем попрании прав человека «во имя здоровья» такая ситуация убивает (последние) остатки эмпатии и разрушает ценности гуманизма.

Большая часть мира на несколько месяцев сжалась до размеров квартиры и экрана компьютера и мобильного телефона. В локальном и глобальном, личном и коллективном карантинах эти явления еще больше обострились. До крайности: мы стали сами для себя новостью. И это – в самое жесткое для эмпатии время всеобщего нарциссизма, время реалити-шоу, время эгоизма и индивидуализма.

Локальный и глобальный «карантин» еще долгое время будет главной темой. И центром внимания. Очаги кризисов, войны, последствия климатической ситуации, природные катастрофы, экономические кризисы и геостратегические потрясения, которые громко стучат в наши двери, будут лишь фоновым шумом. *Сплетнями*. При мысли об этом мне становится не по себе.

Эта книга – крик, взывающий к вниманию. Вот то, что я(мы) могу (можем) сделать. То, что должен (должны).

